

Красноярск. День поэзии. 1967

Красноярское книжное издательство, 1967

Книга «Красноярск. День поэзии. 1967» давно уже стала редкостью. По нашим наблюдениям, на руках у читателей сохранилось, пожалуй, менее десятка экземпляров.

Данной публикацией «День и ночь» начинается серия «воскрешений» старых книг, которые практически не оставили следов в интернете, хотя эти книги содержат уникальный творческий материал и до сих пор интересны читающей публике.

От составителей

...В прошлом году, зимой, в Красноярске проводился шестой краевой семинар молодых писателей, на который было подано 35 рукописей стихов.

Стихи рождают романтиков жизни, вечное беспокойство души человеческой. Видимо, есть какая-то статистическая связь между количеством поэтов и делами земли, на которой живёшь. Наш край, пожалуй, самый удивительный в стране. Край подвига — он рождает поэтов.

Авторы этой книги — из Норильска и Красноярска, из Хакасии и Эвенкии. Они оттуда, где удивительные стройки — Красноярская, Саяно-Шушенская и Хантайская ГЭС.

Их стихи рождаются где-то на просмолённых шпалах Абакан — Тайшета, в палатках на дорогах у Абалаково, на поляне с земляникой у Богучан.

Авторы этой книги — и студенты, и воины Советской Армии, и профессионалы пера, и рабочие, и школьники. Поэты абсолютно разные... Среди поэтов, особенно молодых, много ребят технических профессий. Это типично. Это прекрасно. <...>

Оценивать стихи будете вы.

Мы скажем лишь о тенденциях, живущих в этой книге.

Первая — тяга к тому, что называют «злойбой дня».

Вторая — молодые поэты бегут многозначительного философствования над своими собственными ботинками.

Третья, тоже очень хорошая тенденция молодых поэтов нашей книги, — они не хотят «кричать». Поэт читает свои лирические стихи негромко, точно всё, что есть вокруг него, — микрофон: стол, карандаши, лампа... И зал понимает. Зал слышит пульс земли.

И четвёртая тенденция — очевидная жажда к обогащению языка, к его метафоризации, к воссоединению далёких понятий. <...>

К чему писать стихи, если не желать усиленного жжения слова? Критики на полях ставят свои плюсы и минусы. Кто знает, может быть, именно эта нервность и даже неровность создают то удивительное напряжение, которое вызывает молнию.

М. М. Пришвин писал, что жизнь — органическая — возникла так: росли на земле травы, деревья, всё тянулось вверх, вертикально вверх, и вдруг что-то шевельнулось и сместилось, поползло вбок... Может быть, это была ящерица, которой все теперь мы должны быть благодарны, даже гении.

В искусстве, мы полагаем, всё произошло как раз наоборот: шли строки слева направо, как у славян, или справа налево, как у арабов, и вдруг одна из горизонтально ползущих строчек поднялась над бумагой как ромашка, как судья, как вертолёт — что хотите! Ожила...

Мы хотели, чтобы крылья книги этой были, как в аэродинамике, — чуть вверх, к будущему — тогда есть подъёмная сила...

Итак, страница перевёрнута...

Роман Солнцева

Вячеслав Назаров

Ли́ра Абдуллина

(1936–1987)

Что там с тобой творится без меня?
Как дышится тебе и как живётся?
Чьё отраженье в зеркале смеётся,
Когда ты без меня?

Какие сны ты видишь без меня,
Когда скользит рассвет по синим стёклам?
Склоняешься ты к чьим ладоням тёплым,
Когда ты без меня?

И если ты сумеешь без меня,
Хочу тебе удачи неизменной:
Пусть это будет лучшая из женщин,
Когда ты без меня.

Владимир Ковалёв

(1935–1999)

.....

● ● ●

Ребята знают, ребята помнят,
как оставляли мы по домам
своих стареющих добрых мам,
как уходили из тихих комнат,
как уходили мы от тепла,
как выбирали дорогу сами
и как берёзы для нас бросали
через ручьи свои тела.

Они на женщин не походили
тех, что любили мы всерьёз,
но как неловко мы проходили
по белым-белым телам берёз.
Как шли всё дальше,
всё дальше, дальше,
за поворотом был поворот,
и наша дружба не знала фальши —
наоборот!

Как под дождями мы загорали,
как проклинали все те хребты
и на пустынных гольцах орали
лихие песни до хрипоты.
Ребята знают, ребята помнят,
как возвращались мы по домам,
как мы входили в радушьё комнат,
целуя руки у тихих мам.

Лев Таран

(1938–1994)

.....

● ● ●

Встань. И как мел с доски сотри —
Пусть снова что-то пишется.
... В холодной дышащей степи
Колосья чуть колышутся.
Под оловянную луной,
Огромною, округлою,
Река исходит белизной,
А чёрный мост
Обугленный.
И всё, что было, —
За чертой,
За той, воображаемой.
Тальник прозрачный над водой
Нисколько не разжалобил.
Я шёл, подковками звеня,
Был, как пружина, собранный.
А то, что предал друг меня,
Так, слава Богу,
Вовремя...

Иван Козлов

(1936)

.....

Новичок

Ты ушёл, обиженный и колкий,
Комсомольский выбросил значок.
Под твою пустующую койку
Чемодан закинул новичок.
Мы тебе смотрели долго в спину.
Ждали, даже веря в чудеса.
Ты ушёл.
Ты предал «Бригантину»,
Предал песню, предал паруса.
Что ж, пускай с нас новенький не взывает.
Мы умеем так, как ты не мог.
Он сумеет — вот ему ручища.
Не сумеет — вон ему порог.
Не за океаном, не в тумане
Новая, заветная земля.
Мы сегодня в буднях капитаны
И не покидаем корабля.

Михаил Успенский

(1950–2014)

.....

● ● ●

А что такое — интеллект?
Среди модерна и телег
мозг перегружен
рёвом б́итлов,
набит цитатами из библий,
и наши бедные нейроны
трепещут
чутко и неровно.
Они же добела нагреты,
а информация наглет:
в секунду сотни новых данных.
Но знание не даётся даром,
воспринимаясь, если даже
воспринимать не можешь дальше,
переработка информации —
когда же можно ей заняться?
У нас же не века в запасе?
Успеть бы в сроки — хоть
запарься! —
чтоб стало качеством количество.
А в голове моей колышется
Всё — от Адама до ядра,
и хочется забыть, удрать,
но эта слабость — на минуты,
и вот когда она минует
(о, эти долгие мгновенья!), —
К Эйнштейну и Хемингуэю.

Владимир Капелько

(1937–2000)

.....

Речушка через тайгу
С татарским названьем Калтат,
Ведь я без тебя никак,
Никак без тебя не могу.

А ты без меня хоть как
Можешь, бурчливый Калтат!
А если случится так,
Что я не вернусь на Калтат,
Никогда не вернусь на Калтат...

Он будет так же в камнях,
Как тысячи лет до меня...

Сергей Ежов

(1923–2007)

.....

Салют

Карабин подымаю в руке,
Прямо в облачко
Целю высокое.
Карабин...
А на ржавом песке—
Зверь прошёл
В тальники и осоку.
Карабин...
Но лениво медведь
Где-то рявкнул
Среди бурелома.
И пошло по урманам
Гудеть,
Будто бухнуло глыбой в омут.
Заскрипела,
Запела сосна.
Встрепенулись пугливо осины.
И опять улеглась тишина,
И опять непробудны
Трясины...
Крик непуганых птиц и зверей,
Сонных трав,
Пламенеющих лилий!
Зря дозором на Хан-горе
Твои кедры, Кызыр, застыли!
Близок час.
Мы пробьёмся сюда.
И мостами топи придушим.
Близок час!
Мой салют—городам.
Безымяное,
Слушай!

Александр Яльмаров

(1921–1992)

.....

Островок солнца

Светлеет солнце над тайгою,
А берег близок и далёк,
И в берестяной лодке двое—
Как будто солнца островок.
А рядом голосом бесёнка
Весенний шепчет мне ручей:
Влюбись вначале в ночь без солнца,
А после—
В солнце без ночей.

Станислав Горохов

(1941)

.....

Паровоз пропел сигналы...
Люди, звёзды и вокзал—
Всё смешалось, замелькало
И вошло в твои глаза.
Я не знаю, где тут правда,
Где игра, а где мечта...
Весь перрон—минутный праздник:
Смех, и грусть, и суета.
Ничего не обещаю,
Даже молча
не солгу.
...Потому и уезжаю,
что расстаться не могу.

Юрий Авдюков

(1938–2002)

.....

Мир ещё надвое расколот.
Ещё кипят свинцом стихи.
Ещё трамбуют в гильзах порох
И точат плоские штыки.
Ещё дрожат
От взрывов листья
И дышит стронцием трава.
Ещё свершаются убийства
И попираются права.
Ещё послам тревожно спится,
Когда загишья коротки.
Ещё по всей, по всей границе
На взводе чуткие курки.

Зорий Яхнин

(1930–1997)

.....

● ● ●

Ни колёс и ни крыльев. А шагом.
Хлещет злая полынь по ногам.
Присмотреться хочу к работягам—
Рыжим тоненьким муравьям.

Срок придёт, всё отдам до кровинки
Полю, роще, ветрам и реке.
Отпечатались чётко травинки
На скуластой небритой щеке.

Проплывает сигарой крылатой
Самолёт, плоскостями горя,
Ты летишь в нём, наверно, с бригадой,
Ежемесячник «Октябрь».

А какие там ссоры и споры.
Кто-то враг, кто союзник и друг,
Глянув вниз на долины и горы,
Ты о чём-то задумалась вдруг.

Суесловье срамное отринул.
В стороне от любительских драк,
Я по травушке руки раскинул
И лежу, как посадочный знак.

Валерий Кравец

(1939–2021)

.....

● ● ●

Заполярье

Ты меня учило бескорыстно
Розовых картин не рисовать,
Самому отчаянному риску
И таланту зря не рисковать.
Берегло меня от поражений,
Но дало понюхать что почём.
Трезвости единственных решений
Я тобою тоже научён.
Я твою несладкую науку
Не сокрою в кованный сундук.
Разделю, как хлеб последний, с другом—
Пусть тебя запомнит крепко друг.
Заполярье, главный мой советчик,
Как надёжно мне с тобой вдвоём!
Мне необходимей с каждой встречей
Верное присутствие твоё.
Потому, когда бывает туго,
Я тебя прошу сквозь посвист пург:
Выведи из замкнутого круга
Линию мою, полярный круг!

Владилен Белкин

(1931–2020)

.....

● ● ●

«Цель творчества—
Самосожженье?..»
Пускай на миг
раздвинешь ты
всего каких-то шесть саженей
окаменелой темноты.
И пусть опять
в надменном раже
рванётся мрак
в глаза и рты...
Он
никому уже не страшен,
как Черномор без бороды.

Владимир Нешумов

(1940–2008)

.....

● ● ●

В душу леса
пальцем не лезь.
Ты в ночи весной
на проталине
разожги костёр
золотой
и скажи во тьму
такие слова:
«Сгиньте, насты, снега,
вам—типун!
Ты очнись, трава,
в синь-лесах, лугах...
Кыш, уйди, мороз-колотун,
не замай
мой живой,
мой май!..»
И тогда тайга,
тайга талая,
загудит, вздохнёт,
тайну-тайную-свет
из-за ёлок, болот
выметнет.
И ослепнуть не даст
костёр:
как ладонями, застит,
из глаз
две слезы
дым вынет.

Николай Ерёмин

(1943)

.....

Песенка о трамвайчике и любимой

Качайся, трамвайчик, качайся.
Мой путь, никогда не кончайся.
Глядит на меня
И, как солнце, печёт
твой карий счастливый зрачок.

Пытаю судьбу, пытаю.
То падаю, то взлетаю.
Но нас неизменно—
падение ли, взлёт—
трамвай в неизвестность везёт.

Как скоро сходить, как скоро!
Ты—солнце, а я—твой город.
Я твой, вот и цел,
а от жарких лучей
трамвайчик горит—он ничей.

Аида Фёдорова

(1934–2020)

.....

● ● ●

Тайгой пропахши,
Пурги отведав,
Иду от пашен,
Иду от дедов,
Иду от кедров,
Что вниз
 не клонятся,
Иду от щедрой
От русской вольницы.
Чем крепче корни,
Тем выше кроны,
Иду от гордой
Отцовской
 крови.
Не ради славы,
Не ради денег,
Любите землю
И каждый
 день её.

Свои
 ведите
По жизни
 борозды,
Как Пётр Великий,
Режьте
 бороды!

Николай Беляев

(1938–2016)

.....

● ● ●

Двадцать девять костров запалю,
соберу поэтов, геологов,
всех, кого я любил, люблю,
из-под марлевых вытащу пологов.
В двадцать пять городов разошлю
с коноводом депеши грозные,
растрезвоню,
растормошу,
закружу,
чтоб искры со звёздами
перепутались,
чтобы звон
кружек, смеха, гитары бездомной
не стихал,
с четырёх сторон
гулкой, чёрной тайгой окружённый.

...Но к утру догорят костры,
испарится из фляги спирт,
и друзей моих разморит—
не поймёшь, кто с кем говорит.
Я за тлеющий круг уйду,
приклонюсь щекою к сосне
и с тобою речь поведу
на твоей ненадёжной волне.
Мне, конечно, любимая, жаль—
ты такого не отчудишь,
никогда ты в такую даль
не приедешь, не прилетишь.
Не узнаешь этих ночей,
без тебя—кромешных вдвойне,
не поймёшь тоски журавлей
в леденеющей синеве.
А однажды полог откину я,
и накатит святое издревле,
и—не «с первым снегом, любимая!»—
«с первым снегом,—скажу,—деревья!»
...Мы сидим, гоняем чай
цвета жжёного кирпича.
Мой отряд—все гости мои—
три сезонных бородача.
Хрустнула ветка.
—Тише! Кто-то идёт.
—Послышалось.

Роман Солнцев

(1939–2007)

.....

Читая Лермонтова

Да осенит меня
 благодаренье
 прекрасных уст и молодых очей
за муки,
 за бессмертные творенья
 над голубыми партами
 ночей.

Но если
 только временное мненье
начнёт светить
 над совестью моей,
но если я
 привыкну к опасенью,
как раньше—
 к безрассудности людей,
и всё же
 победит
 души стесненье,
 восстать смогу
хоть против мелочей—
да осенит меня и снисхожденье
печальных уст и ласковых очей...

Анатолий Третьяков

(1939–2019)

.....

● ● ●

Блины не выходили комом
(В те годы не было муки).
И, как закрытые райкомы,
Молчали в сёлах старики.
Сибирь была бела, бела,
Стоял в ней госпитальный запах.
Сквозь снег мы видели, как запад
Закатным пламенем пылал.
Ходили с ворожкой цыганки,
Лечили души, как врачи.
Безрукий капитан в сигарки
Табак сворачивать учил.
Война в душе, война в характере.
И как непросто стать другим,
Когда победа— слёзы матери,
Враз похоронный марш
 и гимн.
Но чувство радости— я знаю—
Мне вдруг покажется простым.
Я только в сорок пятом, в мае,
Увидел в первый раз цветы.

Сергей Пистунович

(1934–1997)

.....

Отчий дом

Нам отец сказал однажды:
— Завтра в новый перейдём,
Этот стал совсем неважный,
Крытый дедовским дерном...
Ох, заря горела яро
Бурым мелом на венцах,
Окна плавилась пожаром,
Дом курился бражным паром
От конька и до крыльца.
Дверь на бронзовых петлицах.
Открываем, входим...
Вдруг...
Бьётся в комнате синица,
Как листочек на ветру,
Это к счастью—
В доме птица...
Он сказал, повеселев:
— На, держи, сынок, синицу,
Но мечтай о журавле.

Вячеслав Назаров

(1935–1977)

.....

● ● ●

Станный аппарат—
стрекоза:
летающие глаза.
Тело— былинка.
Крылья— газ.
На тонкой былинке соцветие глаз.
Тысяча тысяч зрительных пор
впитывают простор.
Стрекоза на пальце.
Я— над ней.
Мы видим оба,
что на дне:
лягушки-квакушки,
жуки-плавунцы,
пескари-мамы,
пескари-отцы.
Круг водоёма.
Окоём— кусты.
Я из дома ушёл.
Прости.
Мне очень нужно
(иначе нельзя)—
над невероятно трудным—
летающие глаза.

Алла Покровская

(1935)

.....

● ● ●

Маслеево—нечаянное озеро
Земной, глубинной, мягкой тишины,
Укутанное ставнями и соснами,
Песками и ресницами луны.
Кукушки восседают на завалинках
И всем пророчат долгие летá.
На широченных пнях, лесам оставленных,
Как в гнёздах, спят минувшие века.
И мир, такой глубокий и бескрайний,
Становится прозрачным, словно дождь.
Над пёстрыми поющими полянами
Восходит Солнце—самый главный вождь
Веков минувших и веков грядущих,
Глазами рос трава встречает день,
И крыш покатых низкие подушки
Кладут к его ногам седую тень.

Сергей Федотов

(1949–2009)

.....

● ● ●

Гнус глотая,
 костра дымок ли
или гроз озон голубой,
знаем мы:
 точно меч дамоклов—
супербомба над головой.
Наши девушки в платья белые,
словно в саваны,
 днём
 рядятся.
Мы приходим, сверкая бельмами,
 обжигая их радиацией.
Но тайга, прижимая цепко,
Лечит нас по своим рецептам.
Ноги в воду спусти,
 как корни,—
пусть пропахнут
 рыбой и илом.
И случилось, представь, такое—
 человек превратится в иву.
Заглядится надолго в воду,
растворяя в себе природу.
А когда до краёв нальётся—
он в свои города
 вернётся,
понимая,
 что мир наш вечен,
как ивняк у таёжных речек.

Пётр Ермолаев

(1934–2007)

.....

Ночные смены

Ночные смены как ночные смены.
Уже давно их выдумали люди...
Опять всю ночь тревожный вой сирены
Тебя от забытья тревожно будит.
Опять бетон в дымящих самосвалах
И россыпь звёзд железных, словно утро,
И стрелы кранов счёт ведут минутам
На синем циферблате котлована.
И только в блоке, как в дневные смены,
Всё тот же гул вибраторов надрывный,
И так же прорывается сквозь стены
Морозный конь, играя белой гривой.
Но устают глаза скрывать усталость.
И руки от вибраторов немеют.
А до рассвета два часа осталось.
А до рассвета полчаса осталось.
И небо над плотиной розовеет...
А после смены вдруг закуришь радостно,
Прищурившись от снежной белизны,
И увезёшь с собой ночную радугу
В дневные недосмотренные сны.

Алитет Немтушкин

(1939–2006)

.....

● ● ●

По бездорожью лёг маршрут,
Где зверь оставил след,
Где каждый сук и каждый прут
Сплелись—и хода нет!
В дороге! Ветер встречный, вей!
Луч солнца, жги в упор!
Кедр машет лапою своей—
Зелёный семафор.

Зверь не пройдёт, но мы пройдем.
Пускай наш край суров—
Мы в непогоду под дождём
Зажжём огни костров.

Медвежий рёв нас бросить в дрожь
Не волен—мы в руке
Держать умеем пальму-нож
На длинном черенке.

Где выручал нас он не раз,
А лес мешал идти,
Пролягут ленты белых трасс—
Автоколонн пути.

Перевёл с эвенкийского А. Клеценко

Моисей Баинов

(1937–2001)

.....

Хорлана¹

Как жаждою томился я тогда!
Глаза мои от жажды потемнели.
Откликнись, где ты, пресная вода?
Но солью волны озера скрипели.
Всё озеро прошёл из края в край
И под крутой скалой
Тебя, Хорлана,
Как счастье, отыскал я невзначай.
Текла ты светлой струйкой, как из крана.
Земная влага!
Я к тебе припал
Запёкшимися жаркими губами.
Воскресший, вновь дорогой зашагал.
Душа светла, как степь под небесами.

Николай Рябеченков

(1941–1995)

.....

...Наверно, потому что не могу
Забыть всё то, чему должно забыться,
Мне нравятся задумчивые лица—
Они пережитое берегут.

Наверно, потому что не люблю
Всё то, что помню, передать словами,
Я молчалив, неразговорчив с вами.
Простите мне задумчивость мою.

Пётр Коваленко

(1923–2013)

.....

Подкова

Я не храню в доме подковы,
На счастье их не берегу,
Но я смеюсь, как мальчик, снова,
Смеюсь и радуюсь подкове,
Увидев раду-ду-ду.
Ей кланяется
Каждый стебель,
Встают хлеба в парном дыму,
Подкова выгнулась в полнеба
На счастье всем— не одному.

Александр Щербаков

(1939)

.....

О чём поют провода

На босу ногу валенки обув,
Ломоть кусая, отдающий тмином,
Любил я слушать, прислонясь к столбу,
Как он гудит древесной сердцевиной.

С той музыкаю в струнах проводов
Столбы пересекли всю землю нашу.
В ней шум тайги и грохот поездов,
В ней позывные городов и пашен.

Геннадий Глушнёв

(1940–1999)

.....

Пепел Освенцима,
Дахау,
Бухенвальда—горькое бессмертие.
Зловещий чёрный дым
над квадратными трубами крематория,
над Европой,
утончённой,
как парижские духи,
взлелеянной голубыми
венскими
вальсами.
Зловещий дым над Европой,
любившей за чашкой кофе
полюбоваться теориями
Шопенгауэра
и Ницше,
над Европой,
втопанной в грязь
кованым каблуком
духовных сынов
обожаемого ею
Ницше.
Сердца,
не успевшие отдать себя людям,—
пепел.
Губы, не узнавшие губ любимых,—
пепел.
Руки, не достроившие своих городов,—
пепел.
Пепел.
И бухенвальдский набат.
...Как тебе спится под голос его,
Европа?

.....
1. Хорлана—целебное озеро. Получило название по впадающему в него роднику.